Я помню её такой...

Фаина Раневская

Глеб Скороходов

Фуфа Великолепная, или с юмором по жизни

Глеб Анатольевич Скороходов

Фаина Раневская. Фуфа Великолепная, или С юмором по жизни

Серия «Я помню ее такой…»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6054916
Фаина Раневская. Фуфа Великолепная, или с юмором по жизни: Алгоритм; М.; 2013
ISBN 978-5-906861-05-4

Аннотация

Книга о потрясающей Фаине Раневской написана известным киножурналистом Глебом Скороходовым. Благодаря их многолетней дружбе автору удалось сохранить образ необыкновенной женщины, умевшей как никто видеть саму жизнь через призму искрометного юмора.

В книге собрано все: беседы, письма, заметки о ролях в театре и кино, забавные истории и многочисленные редкие фотографии великой актрисы, занесенной в десятку выдающихся актрис XX века.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
ПРАВО ГЕНИЯ 8
«КИНОПАНОРАМА» И ДРУГИЕ 22
ПОЕТ ЭДИТ ПИАФ 33
ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С РОММОМ 41
«СЭВИДЖ» И «ДЯДЮШКИН СОН» 45
САМОЗВАНКА 52
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Глеб Анатольевич Скороходов
Фаина Раневская. Фуфа Великолепная, или с юмором по жизни

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор хотел бы предуведомить любезных читателей, что книга, которую вы открыли, хотя по форме и похожа на дневник, дневником ни в коем случае не является. Автор фиксировал свои впечатления, рассказы героини книги и диалоги с ней от случая к случаю. И делал это на протяжении пяти лет. Одно, без сомнения, объединяет все рассказанное в книге, – она посвящена актрисе, которую те, кто видел, забыть не смогут. Актрисе, о которой при ее жизни слагались легенды, а после ее смерти ей и по сей день приписывают все новые и новые изречения, будто она не играла в кино и театре, а сидела где-то в капище и всю жизнь, как пифия, изрекала мудрые мысли и предсказания.

И не только. Об этой актрисе уже сложили и продолжают слагать десятки анекдотов, якобы случившихся с ней. Очевидно, ее характер, образ мыслей, восприятие окружающего дают повод для такого мифотворчества. И если она не стала фольклорным персонажем вроде Василия Ивановича Чапаева, то, думаю, оттого, что ее собственное творчество оказывается сильнее мифа.

Это актриса на все времена – Фаина Григорьевна Раневская.

Она действительно была человек необычный. Необычность ее начинается с имени-отчества. В ее паспорте значилось: «Фаина Григорьевна Раневская», но в жизни ее чаше всего называли Фаиной Георгиевной Раневской. И устно, и

письменно.

– Почему? – спросил я.

– Может, мне хотят польстить? Ведь Гришка – Отрепьев, а Георгий – Победоносец!

В книге Раневская почти всегда действует под инициалами «Ф. Г.»

ПРАВО ГЕНИЯ

Актерская психология мне представляется загадкой. Во всяком случае, объяснить ее, исходя из нормальной, повседневной логики, зачастую невозможно.

Ф. Г. вспомнила, как однажды пришла на обед к Качалову. Его дома еще не было – задержался на репетиции, – Ра-

невскую встретила его жена. Через полчаса звонок. Входит Василий Иванович.

– Очень хорошо, что пришла, – говорит он Раневской. – Голодная? Сейчас же садимся.

Качалов поправил пенсне, подошел к буфету и налил себе рюмку.

– Ну-с, очень хорошо, хорошо.

– Вася, у тебя что-нибудь случилось? – тревожно спросила жена.

– Нет, Ниночка, ничего, все очень хорошо.

– Что хорошо?

– Сегодня Владимир Иванович Немирович-Данченко отказал мне от роли Вершинина – и это очень правильно.

– Как?! Ты не будешь играть Вершинина? Как это можно?! А будет играть Болдуман – он моложе меня.

– Ну что ты, Ниночка, – Василий Иванович протер пенсне, – все очень правильно. Вершинин молод, а я уже не то. Ну, разве можно в меня влюбиться? – он надел пенсне. – Ну, посмотри?

– Но ты же мечтал играть эту роль. Я буду звонить, я это так не оставлю, – нервничала жена.

– Ничего не надо делать, Ниночка. Пойми, все правильно: в новом спектакле Вершинина будет играть Болдуман – он моложе меня, в него можно влюбиться. Все правильно, Ниночка.

А однажды Ф. Г. в случайном разговоре вдруг сказала мне

о «праве гения», которым она, к сожалению, не обладает, ибо к лику гениальных причислить себя не может.

Талант – это неуверенность в себе и мучительное недовольство собой и своими недостатками, чего я никогда не встречала у посредственности

– Свинство не позволяет, – пояснила она.

– Право гения на что? – не понял я.

– Изумительное право не играть, если актер этого не может, – улыбнулась она.

Ф. Г. рассказала, как однажды Федор Иванович Шаляпин вышел уже в гриме на сцену в опере «Вражья сила» Серова. Отзвучал оркестр – певец молчит. Дирижер повторил вступление еще раз, затем другой… Шаляпин обвел грустными глазами зал, покачал головой и ушел со сцены.

К нему в уборную влетел владелец оперы – Зимин:

– Федор Иванович, что же это?! Аншлаг – публика вне себя!

Шаляпин посмотрел на него и тихо сказал:

– Не могу. Тоска.

И затем обратился к секретарю с распоряжением выписать Зимину чек на покрытие убытков.

– Хорошо право гения, если оно подкрепляется чековой книжкой! – улыбнулся я.

– О, в наше время это право умерло – может быть, вместе с гениями… Я не помню случая, – продолжала Ф. Г., – чтобы спектакль отменили по моей вине. Случается, что играть не

хочется, – ну вот просто нет сил выйти на сцену. И нет настроения, желания общаться с партнерами. Павла Леонтьевна Вульф меня учила: в таком случае ни за что не насилуй себя, не нажимай на педали – играй спокойно – и настроение появится. Пребывай в тех обстоятельствах, в которые тебя поставила пьеса, действуй в этих обстоятельствах, нужное творческое самочувствие придет.

С Раневской я встретился в ноябре 1964 года. До этого я видел ее несколько раз.

Впервые – в 1947 году на премьере «Весны» в Зеленом театре. Премьера прошла со средним успехом: фильм показался громоздким, утомительным, а порой (например, в бутафорских опытах с солнечной энергией) и скучным. Восторг вызвали, пожалуй, только сцены Раневской и Плятта, особенно знаменитый кульбит на лестнице, фразы Маргариты Львовны: «Я возьму с собой «Идиота», чтобы не скучать в троллейбусе!», разговор по телефону: «Скорую помощь! Помощь скорую! Кто больной? Я больной. Лев Маргаритович. Маргарит Львович».

Кстати, и этот текст придумала сама Ф. Г. Когда Александров пригласил ее сниматься в «Весне», то в сценарии Маргарите Львовне отводился один эпизод: она подавала завтрак своей знаменитой племяннике.

– Можете сделать себе роль, – сказал Александров.

Именно персонаж Раневской и оказался наиболее инте-

ресным в этом фильме. И смешным тоже. А без смеха какая комедия?!

После премьеры зрители ринулись к актерам. Меня подхватила толпа, и вдруг я увидел Раневскую. Она стояла возле машины, почти у самого парапета Москвы-реки, испуганная и чем-то обеспокоенная. Я запомнил ее глаза: они не замечали мальчишек, орущих «Муля!», а смотрели поверх толпы, словно ища спасения.

Позже я узнал (Ф. Г. рассказала об этом), что все объяснялось просто: премьера затянулась, Ф. Г. безумно проголодалась, а где-то среди зрителей затерялась ее учитель и наставник Павла Леонтьевна Вульф, с которой она собиралась ехать ужинать.

В следующий раз я увидел Раневскую лет десять – пятнадцать спустя – в радиостудии на Центральном телеграфе. Она изменилась, постарела, хотя глаза оставались такими же – большими и немного испуганными, только теперь к тому же и грустными.

Катя Дыховичная (редактор «Театра у микрофона») тогда сказала, что Раневская только что записалась в сценах из спектакля «Деревья умирают стоя». Я поздравил актрису, поблагодарил ее и выразил надежду, что мы все (рядом стояло несколько редакторов) скоро услышим премьеру этой записи. Ф. Г. неожиданно заплакала и сквозь слезы призналась, что недовольна собой, что она так мало сделала.

Я в то время работал на радио в отделе советской прозы

и, набравшись смелости, предложил:

– Фаина Григорьевна, а не хотели бы вы записать что-либо из советских писателей?

– Отчего же, можно, – согласилась она. – Можно и из советских: важно, чтобы материал был для меня. Я ведь не чтица, я не умею читать, я могу сыграть рассказ, понимаете?

Любовь к Раневской зрителей известна. Слабый фильм 1963 года «Осторожно, бабушка» вышел по посещаемости на первое место только потому, что в нем играла Раневская.

Дом актера устроил ее творческий вечер. Выступал Андроников – говорил хорошо, не выпуская из рук несколько листков бумаги, – и, хотя он почти не заглядывал в них, листки эти как бы свидетельствовали о серьезности речи, ее продуманности, отсутствии «юбилейного захлеба». Ираклий Луарсабович процитировал высказывание Рузвельта, посмотревшего в 1944 году «Мечту» (оно было напечатано в журнале «Лук»): «Мечта», Раневская – очень талантливо. На мой взгляд, это один из самых великих фильмов земного шара. Раневская – блестящая трагическая актриса».

На вечере в ее честь, устроенном ВТО, Раневская вышла на сцену в самом конце вечера. Актеры ей преподнесли цветы, ВТО вынесло пышную корзину.

Ф. Г. кланялась, снова выходила на аплодисменты, тихо говорила «Спасибо, спасибо» и чувствовала себя, как она рассказала позже, отвратительно.

– Терпеть не могу юбилеев и чествований. Актер сидит

как истукан, а вокруг него льют елей и бьют поклоны. Это никому не нужно. Актер должен играть. Что может быть отвратительней сидящей в кресле старухи, которой курят фимиам по поводу ее подагры. Такой юбилей – триумф во славу подагры. Хороший спектакль – вот лучший юбилей.

Ф. Г. сказала мне это в дни, когда театр настаивал (и безуспешно) на праздновании ее 70-летия.

А тогда, в ноябре шестьдесят четвертого, в редакции мне поручили готовить новогоднюю радиопередачу «Веселые страницы». Я хотел построить ее на классике: Бабель, Зощенко, Ильф и Петров и, может быть, Катаев двадцатых годов. Стал думать об исполнителях. А что, если… Ведь Раневская обещала прочитать рассказы советских писателей.

Звоню Ф. Г.

– Я ведь вам сказала, – говорила она, – что я не чтица, мне нужно играть рассказ.

– Может быть, сами что-нибудь подберете?

– Хорошо, привозите рассказы. Я посмотрю. Все может быть.

Я объясняю, насколько все это важно и нужно и для радио, и для слушателей, и для меня, что Зощенко в новогодней передаче, да еще в исполнении Раневской, украсит всю программу.

Роль хозяйки меблированных комнат в фильме «Мечта» – мадам Розы Скороход открыла огромное трагическое начало в таланте Фаины Раневской

– О нет! Только не торопите меня, – сказала Ф. Г. – Я посмотрю, выберу. Если найду возможным что-либо прочитать, тогда мы уж будем говорить о записи. В общем, привезите мне рассказы.

Я был рад несказанно. Товарищи по работе, в частности Катя Дыховичная, отнеслись к моей радости скептически. Катя говорила, что Раневская непременно откажется, а если и запишется, то потом может забраковать и запись, и самое себя.

– Ты не знаешь, как она относится к своей работе, – говорила Катя, – это тебе не N. N. записывать, который любой рассказ с листа читает.

На следующий же день я поехал к Ф. Г. На звонок вышла она сама – в черном до пят халате и с гардинной палкой в руках.

– Откуда вы? Что это? – удивилась она.

– Я с радио, – сказал я. – Это книга.

– Голубчик, как же так можно без звонка? У меня ремонт – я не могу принять вас.

– А я только привез вам рассказы. Я забежал по пути на работу, – соврал я. – А то ведь времени до Нового года остается не так уж много.

– Спасибо, спасибо, – сказала Ф. Г. – Извините меня, что не могу принять вас. Позвоните мне, пожалуйста.

Я начал звонить Ф. Г. И, очевидно, очень быстро успел

надоесть ей, ибо уже после второго или третьего звонка она сказала:

– Я выбрала кое-что. Если у вас есть желание и найдется время, приезжайте – я хотела бы прочитать вам, посоветоваться, подойдет ли это для вас. Когда вы сможете приехать?

– В любое удобное для вас время.

– Ну, приезжайте сегодня, сможете?

В тот же день я был у нее.

Рассматривать квартиру показалось неудобным. Стены были сплошь увешаны картинами, рисунками и фотографиями. Одно я успел заметить – нигде не фигурировала хозяйка. Простая, далеко не новая мебель – ее совсем немного: только самая необходимая или даже менее того. Но во всем чувствовался вкус и свой стиль, ненавязчивый, не бросающийся в глаза, не рассчитанный на восторг или неприятие. Запомнилось изобилие света – во всех комнатах горели все люстры, бра, настольные лампы и торшеры.

И хотя я пришел с деловым визитом, стеснение и неловкость поначалу не покидали меня. Но вот Ф. Г. заговорила, ее глаза смотрели внимательно и дружелюбно. Под этим взглядом, казалось, тысячу раз виденным с экрана, делалось легко, свободно и хотелось быть лучше.

Мы заговорили о Зощенко, его непростой судьбе, и я неожиданно для себя рассказал, как работал над главой о Михаиле Михайловиче для многотомной «Истории советской литературы», как не хватало мне живых свидетельств

современников писателя.

– А вы не были знакомы с ним? – спросил я.

– Очень мало. Последний раз я его видела году в пятьдесят пятом. Он приехал в Москву и был в гостях у Пешковой – там, знаете, в горьковском доме на Малой Никитской. Был накрыт роскошный стол. Зощенко сидел очень печальный. Он раскланялся, и на лице его промелькнуло подобие улыбки. К еде он не притронулся.

Я не заметил, как пролетело два часа. Раневская прочла мне рассказ Зощенко «Пациентка» – о немолодой женщине, которая пришла к сельскому хирургу-фельдшеру не лечиться, а рассказать о своих переживаниях. Читала она неторопливо, как бы примеряясь к героям, но уже сочувствуя им, живя их волнениями. Слушая Раневскую, я по-новому воспринял рассказ героини. Раневская почувствовала в ней зощенковскую боль, которую не сразу и заметишь, ту частицу его «великой грусти», которую он всегда испытывал, видя ничтожность своих героев, смеясь над ними или сострадая им.

– Вот видите, это совсем не смешно, – заметила Ф. Г. – А ведь вам нужно смешное – в Новый год люди хотят веселиться… Боюсь, что это не подойдет.

Я стал уверять, что программа вовсе не рассчитана на сплошной хохот, что в ней найдется место и лирике.

– Хорошо, – сказала она, – я еще подумаю, почитаю, посмотрю. Здесь много замечательных рассказов, но боюсь,

они не для меня – я ведь не чтица. Но я посмотрю еще…

«КИНОПАНОРАМА» И ДРУГИЕ

– Сегодня, когда ехал к вам на девятнадцатом, весь троллейбус обсуждал вчерашнюю передачу Каплера (популярную в то время «Кинопанораму». – *Ред.*), – сообщил я.

– Я все хотела вас спросить, – перебила меня Ф. Г., – где вы сходите? У Яузских ворот?! Голубчик, я же просила вас

– проезжайте на одну остановку дальше. Возле этих жутких трущоб нельзя и минуты находиться: не ровен час, обчистят карманы или, того хуже, пырнут ножом.

– Ну, что вы! – засмеялся я. – Не во времена же Хитровки живем!

– А что изменилось? Когда я приехала сюда, на Котельническую, – это сорок восьмой год, кажется, – в этих жутких кварталах, спускающихся к реке, поверьте, все было как до революции. Только жителей стало вдвое больше. Мы с Павлой Леонтьевной (любимой своей учительницей и режиссером, которую она называла мамой. – *Ред.*) пошли гулять, так, увидев эту клоаку, женщину в драной ситцевой кофте – она набирала в ведро воду из колонки: там же ни водопровода, ни канализации, – «мама» сказала мне: «Фаина, мы попали в прошлый век. Никому не говори об этом. Это в столице государства, которое тридцать лет трубит, что оно для трудящихся».

И она оказалась права: прошло еще двадцать лет, и я сама видела, как грязные дети плескались у той же самой колонки – она возле трамвайной остановки. И рядом – наш небоскреб для избранных, последнее воплощение сталинского размаха! Вы плохо представляете, каким он был, когда я въехала. Скоростные лифты, холлы с мягкой мебелью, ковры на лестницах белого мрамора, прорва обслуги. И всюду охрана – в каждом подъезде привратники и лифтеры, которые бдели круглые сутки, чтобы, не дай бог, простые трудящиеся не

увидели, как живут их слуги.

Котельническая набережная в Москве

Сейчас дом, конечно, поплошал – слуг народа в нем стало меньше, поразъехались в новые дома получше, а трущобы у реки все те же. Я не раз говорила Таньке Тесс (известная в те времена журналистка. – *Ред.*):

– Ну, раз ты так обожаешь контрасты, ради них мотаешь-

ся по пять раз на год то в Париж, то в Лондон, то в Ниццу, напиши об этих кварталах у Яузы – таких контрастов нигде днем с огнем не сыщешь!..

Я предложил Ф. Г. все же пойти погулять – день отличный и жара уже спала.

– Только не к Яузе! Туда я больше ни ногой! – предупредила Ф. Г. – Я проведу вас лучше к Таганке, к торговым рядам. Накупим там требухи, свиных ножек, наварим холодца и станем с ним у пивной на Хитровке. Эх, родись я на полвека раньше!..

Мы двинулись по маршруту, и тут Ф. Г. вдруг спросила:

– Так что вы говорили о Каплере?

Я рассказал о вчерашней «Кинопанораме», в которой Алексей Яковлевич посвятил несколько страниц несчастным судьбам детей Голливуда – Джеки Кугана, Ширли Темпл, Джуди Гарленд, которых эксплуатируют, пока они приносят доход, а потом бросают на произвол судьбы.

– Люся так и сказал? – удивилась Ф. Г.

– Ну, приблизительно. И еще об их покалеченном детстве. И фрагменты показал прекрасные!

– А о том, что и Куган, и эта девочка Темпл стали миллионерами, он не говорил? Вот вам и Каплер, бесстрашный человек! Что делает ваше говенное телевидение с людьми! Люся чудный, добрый и умный человек. Настоящий мужчина, лихой до безрассудства. Ему же все в Ташкенте твердили: «Что ты делаешь? Ты – автор фильмов о Ленине! Оставь

этот роман со Светланой. Сталин узнает – не сносить тебе головы!» А он – не знаю, так уж любил Светлану или просто пошел ва-банк, но наплевал на все знамения, и его сгноили бы в лагерях, если б «отец народов» не дал дуба.

– Но он прекрасно ведет «Кинопанораму», – встал я на защиту Каплера, – его все любят, и если он и сказал там что-то о несчастных голливудских детях, то, по-моему, только для того, чтобы показать великолепные фрагменты из фильмов, которых мы никогда не видели!

– Он тут звонил мне, предлагал у него выступить, – Ф. Г. махнула рукой. – Только мне и лезть на телевидение! Я пыталась отшутиться: «Представляете – мать укладывает ребенка спать, а тут я своей мордой из телевизора: «Добрый вечер!» Ребенок на всю жизнь заикой сделается!» – «Дети, Фаиночка, в это время уже спят», – уговаривал он. – «Ну что же, тогда еще хуже, – сказала я, – жена с мужем выясняют отношения, и только он решил простить ее – тут я влезаю в их квартиру. «Боже, до чего отвратительны женщины!» – понимает он, и примирение разваливается!» – «Но зрители ждут вас! – нажимал Люся. – Я получил сотни писем с просьбами пригласить вас к экрану. Вас увидят миллионы!» – «Сколько? – ужаснулась я. – Я просто умру со страху. И вы, как Раскольников, будете стоять над мертвой старухой! Нет уж, дорогой Люсенька, я скорее соглашусь станцевать Жизель, чем выступить по телевидению!»

– Вы действительно так испугались? – спросил я.

– Так или не так, какая разница! Вы опять задаете пустые вопросы! В конце концов, имею я право на кокетство если не как женщина, то хотя бы как актриса?! Между прочим, Каплер, не приняв мой отказ, пообещал отомстить мне в следующей же передаче. «И месть будет страшной!» – пригрозил он. Жаль, что я ее не увижу…

– Почему вы не любите телевидение? – спросил я.

– Наконец-то нормальный вопрос! – обрадовалась Ф. Г. – Может быть, потому, что я люблю смотреть кино. В кинозале, с людьми, на большом экране. И не приемлю эти телевизоры с изображением в коробку «Казбека», с идиотскими линзами-аквариумами. Не могу к этому привыкнуть… Впервые я увидела «аппарат дальновидения» – так он тогда назывался – в 1939 году. Мы снимали «Подкидыш» и вечером пошли в гостиницу «Москва» – там в холле стоял опытный образец чудо-аппарата. Все ахали от восторга. А я смотрела: да, чудо, актеры где-то работают, а мы их видим здесь. Чудо, но меньшее, чем то, что поразило меня в детстве, когда фокусник в цирке распилил даму на две части – голову отдельно от ноги, и эти части, разнесенные в разные стороны, вдруг зашевелились. В тот же миг я расплакалась от ужаса! А тут глядела и оставалась равнодушной. Не волнует меня телевидение и сегодня.

Мы дошли до садика, в котором стоял мраморный бюст Радищева.

– Вот куда я вас вела, – обрадовалась Ф. Г. – Здесь уют-

но и тихо, никто не знает ни памятника, ни садика – ни пионеры, ни алкоголики. Можно спокойно посидеть и выкурить наконец сигарету!

Отдышавшись, она продолжала:

– Представляю, сколько благоглупостей звучит с экрана! Об одних «Голубых огоньках» я столько наслышана. С меня хватит и радио. Утром, когда у меня работает моя «точка», я хоть могу мазать хлеб маслом и пить чай, не уставясь, как умалишенная, в экран. И радиоблагоглупостей на мою жизнь мне достает! Я же давала вам свой список горестных заметок. Выбросили, наверное?..

Позже я нашел этот листок, на котором Ф. Г. выписала идиотизмы, прозвучавшие по радио. Это главным образом названия передач вроде: «Знаете ли вы мир прекрасного?», «В гостях у Федькиных», «Искусство сближает сердца», «В вихре танца»…

– А почему бы вам не посмотреть, как Каплер отомстит вам? – спросил я. – Это же интересно!

– Нисколько. Это во-первых. А во-вторых, где? К соседу, Риме Кармену, не пойду: и дома его чаще всего нет, и странно это: «Здравствуйте, я ваша тетя!» Нет-нет! К Галине Сергеевне (Улановой) можно, но тоже надо заранее предупредить ее, она не откажет, но будет менять свои планы, куда-то не пойдет. А сидеть с ней – одно удовольствие: за вечер проронит две-три фразы. Вот, пожалуй, к кому можно смело идти, так это к Лиде Смирновой. Открытая душа, и мне будет

рада. Искренне, без притворства! Расскажет в лицах о своем новом романе, да так, что и про передачу забудем! Когда мы с ней снимались в этом михалковском дерьме «У них есть Родина», мы так дружно страдали по своим возлюбленным – слезы лились в четыре ручья!..

Вы опять начинаете о моей роли! Я же не об этом. Да, фрау Вурст у меня получилась. Вурст – по-немецки колбаса. Я и играю такую толстую колбасу, наливающую себя пивом. От толщинок, которыми обложилась, пошевелиться не могла. И под щеки и под губы тоже чего-то напихала. Не рожа, а жопа.

В роли фрау Вурст в фильме «У них есть Родина». 1948 г.

Но когда я говорю о михалковском дерьме, то имею в виду одно: знал ли он, что всех детей, которые после этого фильма добились возвращения на Родину, прямым ходом отправляли в лагеря и колонии? Если знал, то тридцать сребреников не жгли ли руки?..

И вот вам дополнение к вопросу о жутких судьбах детей в Голливуде. Только на этот раз не об ихних, а о наших. Непросто ведь здесь все!

Ф. Г. закурила и после паузы продолжала:

– Вот вам один пример. Я дважды снималась не с девочкой, а с живым чудом – с Наташей Защипиной. Вы знаете эти картины – «Слон и веревочка» и эта самая – «У них есть Родина».

Я сначала боялась Наташи, все актеры боятся играть с детьми: они ведь не играют, а живут, так верят в происходящее, что разоблачают любого актера, который такой веры не нашел.

Неожиданно мы подружились. Может, оттого, что я вообще не умею сюсюкать и говорила с Наташей как со взрослой. А ей было шесть лет! Кроха! Это сорок пятый год, только война кончилась. Она приходила ко мне в уборную и наблюдала, как меня гримируют.

– Тебе интересно играть в мою бабушку? – спрашивала.

– Интересно.

– А ты меня уже любишь? – снова спрашивала она, когда мне натягивали парик.

– Я тебя всегда люблю, – говорила я.

– Но теперь, когда ты уже моя бабушка, сильнее?.. Пересмотрите ее фильмы. И «Жила-была девочка» – там ей три годика, и «Первоклассницу», где ей уже восемь. И не в том дело, что не найдете фальши. Нет, тут что-то есть такое, что трудно обозначить словами. Что-то такое, когда должно бы вроде быть стыдно, что видишь то, что видеть нельзя, а стыдно не становится – только восхищаешься: как здорово!

У Наташи киношная судьба не сложилась. Может, режиссеры ее не разглядели, когда она стала взрослой. После ВГИКа пошла в Театр сатиры, говорят, хорошо работает. Не знаю, я не видела. Но что-то ушло, если ее ставят в длинный общий ряд.

ПОЕТ ЭДИТ ПИАФ

– Наталью Кончаловскую знаете? – спросила Ф. Г.

– Которая написала самое короткое в мире стихотворение в соавторстве с мужем? С самим Сергеем Михалковым! Решила потягаться с Чуковским и написать новую, антибактериальную поэму-сказку для детей.

Муха села на варенье, —

сочинила она первую строчку. В это время ее позвали к телефону, в коридоре, а Михалков, увидев сочиненное, добавил свое:

Вот и все стихотворенье!..

– Кончайте валять дурака, – остановила меня Ф. Г. – Наташа несколько раз звонила мне, приглашала. Я отнекивалась, сколько могла, но больше тянуть невозможно. Предлагаю вам сопровождать меня завтра в концерт Натальи Кончаловской, – сказала Ф. Г. безрадостно.

– А что будет петь несравненная? – спросил я.

– Вы меня иногда ставите в тупик: откуда у вас берутся такие приступы слабоумия? Ерничаете над женщиной, не зная ее! «Я вам не давала никакого повода», – процитировала она неизвестно что. – Мы идем на концерт-лекцию «Поет Эдит Пиаф», и дадут его не в Театре эстрады, а в Московском университете! В Коммунистической аудитории! Надеюсь, понятно, что такая аудитория требует соответствующего настроя!

Священного трепета стены Коммунистической у меня не вызывали: сколько здесь выслушано лекций Радцига по истории Древней Греции, Ади Яновны по истории советского кино (был такой факультатив!), докладов и выступлений на

комсомольских собраниях. Правда, на этот раз нас усадили на самые почетные места – в первый ряд, где никогда мне сидеть не приходилось.

На сцене появилась дама солидного возраста, но кокетливая и улыбчивая, очень аккуратная: на лбу тщательно уложенные колечки – одно к одному, отглаженное платье с оборочками и рюшечками, кружевной платочек, изящно выглядывающий из левого рукава.

– Ах, Париж, Париж, – начала она, – город снов и мечты! Не забыть его площадей, бульваров, улочек с кафе на открытом воздухе, предназначенных не для буржуа, а для простолюдинов. В одном из таких кафе меня пригласил на вальс человек с крепкими руками рабочего.

«Откуда вы такая?» – спросил он. «Я из Страны Советов, из Москвы», – сказала я. И чудо: он, изумленный, прекратил всякие ухаживания и только просил об одном: «Расскажите о вашей стране!..»

Кончаловская сделала глаза и заговорщицки кивнула Раневской. Опешившая Ф. Г. растерянно улыбнулась и незаметно толкнула меня в бок:

– Не смейтесь, умоляю!..

Как ей было трудно! Кончаловская на сцене работала для нее, и только на нее. Она обращалась к ней, рассказывая о судьбе Эдит Пиаф, как бы предлагая разделить вместе с нею страдания певицы, а когда звучали фонограммы с голосом «парижского воробышка» (почему-то именно это сравнение

пришлось Кончаловской более всего по душе, и она употребляла его без конца), когда Пиаф запела свои трагические монологи, рассказчица переживала вместе с ней, успевая посылать Ф. Г. выразительные взгляды: «Ну как?!» Слушая певицу, она кивала, показывая, что понимает каждое ее слово, одобряет наиболее, с ее точки зрения, удачные строфы, а после окончания песни закрывала глаза, не в силах прийти в себя от нахлынувших чувств и впечатлений и держа паузу. Если же в зале вспыхивали аплодисменты, Кончаловская вставала со своего кресла и величественно склоняла перед публикой голову – влево, вправо.

– Можно ей крикнуть «бис»? – тихо спросил я Ф. Г.

– Прошу вас, тише. Потерпите, – шептала она и тут же делала внимательно-восторженное лицо.

Москва 50-х годов XX века

– Боже, какой позор! Ну, я натерпелась, – говорила Ф. Г., когда мы пошли после концерта домой. – Сейчас у нас мерзкие, серые газеты – все на одно лицо. А будь моя воля, я воскресила бы традиции нэпа и поместила бы рецензию «Страшная месть Коммунистической!». Этот замучивший нас ленинский тезис о соответствии формы содержанию! еще один такой концерт, и я подпишусь на полное собрание всех классиков марксизма сразу…

Недавно я прочла очень любопытную статью Чуковского, в «Литературке», кажется, как раз на эту тему. Корней Ива-

нович вспоминает, что еще до революции купил роскошное издание «Войны и мира» с многочисленными цветными иллюстрациями. Делал их художник Апиц, мещанин по натуре и обыватель по восприятию. Чуковский начал в который раз читать Толстого и не смог! Мешала цветная дребедень с завитушечками, рюшечками и сантиментами! Так представляете: Корней Иванович заперся в своей комнате, сел у печки и всю ночь сладострастно вырывал картинки из книги, из всех томов. И жег их. Жег с наслаждением, пока не убедился, что ни одной не осталось!..

У меня к вам просьба: у вас же есть записи, принесите их, давайте просто послушаем одну великую Пиаф.

На следующий день я принес Ф. Г. магнитофон и пленку Пиаф, где записаны двенадцать ее последних песен. Мы слушали молча. Ф. Г. лежала на тахте, подложив под голову подушки, и плакала, закрыв глаза ладонями. Трагическая песня «Белые халаты» напугала ее. Когда я предложил повторить запись, она сказала:

– Не надо. Мне нельзя. Я очень боюсь.

Это «я боюсь» было сказано и во время чтения второй части зощенковского «Перед восходом солнца». Я читал роман вслух, Ф. Г. восхищалась удивительным языком его, мыслями, картинами прошлого, ей знакомого и близкого. Когда же Зощенко перешел к выяснению причин своего страха, к поискам истоков нервного расстройства и стал рассказывать о внезапно появлявшейся в его воображении руке, от которой

он не мог скрыться, Ф. Г. прервала меня:

– Прошу вас, пожалуйста, не надо. Мне нельзя!

После всего, что Ф. Г. видела и пережила в Гражданскую войну: голод, тиф, жестокость и зверства террора, с трупами, раскачивающимися на фонарях и лежащими неделями на улицах, – всего, что так гениально описал Булгаков в «Белой гвардии» и «Беге», она заболела: боялась выходить из дому, переходить дорогу (этот страх сохранился у нее надолго). Ей пришлось лечиться. Болезнь вынудила ее оставить на время сцену: Ф. Г. не решалась ступить на подмостки, особенно подходить к их краю: ей казалось, что там, где сидят зрители, – обрыв, пропасть, бездна.

Зощенко пишет о том, как, выяснив причины возникновения своего страха, он смог сам излечиться, убедить себя, что в основе его боязни лежит не что иное, как цепь бессвязных совпадений, цепь случайностей, поразивших в детстве его воображение.

Не знаю, как прошло лечение Ф. Г. Может быть, страх перед больницей, перед необходимостью бросить сцену – лучшее, что у нее тогда было, – победил остальные страхи. Но когда Раневская появлялась в первом акте «Странной миссис Сэвидж» в «Тихой обители», догадывалась, где она, и, испытывая страх человека, которого засадили в психушку, боялась подойти к рампе, я каждый раз вспоминал ее рассказ о том, что случилось полвека назад.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С РОММОМ

Начало тридцатых годов. Раневская играет в Камерном. Однажды ей сказали:

– Вас хочет видеть режиссер с кинофабрики.

За кулисы пришел худенький молодой человек в потертых брюках и пиджаке, выглядевшем на два размера меньше

нужного, с обтрепанными рукавами.

– Здравствуйте. Я – Михаил Ромм.

Ф. Г. фамилия показалась очень знакомой.

– Здравствуйте! – радостно улыбнулась она. – Я о вас так много слышала!

– Ну что вы! – остановил ее Ромм. – Вы слышали о другом – о знаменитом Рооме, а я начинающий и еще ничего не успел сделать.

Ф. Г. смутилась, а Ромм предложил ей сняться в его фильме «Пышка», сценарий которого он написал сам по мопассановской новелле. Прочитав сценарий, Раневская дала согласие.

Почти все съемки «Пышки» велись ночью.

– С тех пор у меня и появилась бессонница, – как-то призналась Ф. Г.

Но роль госпожи Луазо так увлекла ее, что заслонила физические трудности. Вот одна характерная деталь. Ромм снимал «Пышку» в немом варианте. Несмотря на это, Ф. Г. достала подлинник мопассановского рассказа и затвердила несколько фраз госпожи Луазо на языке оригинала. Это помогло ей почувствовать себя француженкой.

Когда в Советский Союз приехал Ромен Роллан, Горький решил развлечь его фильмом «Пышка». Картину крутили на горьковской даче. Дошли до эпизода, где госпожа Луазо бранит Пышку, – Роллан вдруг подпрыгнул на стуле от восторга. Раневская выразительно произнесла по-французски сло-

во, близкое к русскому «проститутка». Артикуляция актрисы дала возможность «услышать» то, чего был лишен экран.

Кадр из фильма Михаила Ромма «Пышка». Раневская в роли госпожи Луазо

После фильма Роллан долго хвалил работу Ромма и среди актеров Раневскую. Картина по его просьбе демонстрировалась во Франции и прошла там с огромным успехом.

– Вы моя добрая звезда, – сказал Ромм Раневской, – вы принесли мне удачу.

С Роммом Раневская сделала свою лучшую роль в кино – Розу Скороход в «Мечте».

Когда Ф. Г. оказалась случайно в одной больнице с Михаилом Ильичом, они долго разговаривали, вспоминали и свою первую встречу.

Ирония судьбы: когда-то неизвестный Ромм стал «одним из самых» – причем признанных не только официозом, но и зрителем. А Роома, о котором с завистью говорил Михаил Ильич в тридцать втором, сегодня чаше вспоминают как автора «Гранатового браслета» – последней цветной экранизации повести Куприна, получившейся на экране пошлой и слезливо-сентиментальной. Сатирики окрестили ее кулинарной книгой по изготовлению пунша в арбузе и других ресторанных редкостей.

«СЭВИДЖ» И «ДЯДЮШКИН СОН»

Когда я получил перевод от Ф. Г. перевод «Странной миссис Сэвидж» и прочел его, то перед тем, как вернуть пьесу Ф. Г., решил показать ее своим друзьям. Мы читали ее вслух

с одним антрактом, не отрываясь.

Любопытными показались некоторые рассуждения автора. Например, это: весь мир – сумасшедший дом, но в настоящем сумасшедшем доме человеку лучше, чем в безумном мире. В психушке, по крайней мере, известно, с кем имеешь дело. В нормальном же мире никто никогда не знает, какие сюрпризы ему уготованы.

– Говорите, говорите все, что вы думаете о пьесе, – просила Ф. Г., едва я приехал на следующий день к ней.

Я рассказал о мнении друзей.

– А не скучно ли это будет смотреть? – забеспокоилась Ф. Г. – Поймет ли зритель? Не чересчур ли статична она?

Я пытался доказать обратное, а Ф. Г. рассмеялась:

– Вы добрый, вы меня утешаете! – и сказала уже серьезно: – Пять лет я добиваюсь постановки этой пьесы и до сих пор не знаю, пойдет ли когда-нибудь она. Я хотела бы сыграть эту роль. Мне кажется, что она у меня может получиться.

– Эта роль написана для вас, – сказал я. – Трудно представить в ней кого-нибудь другого.

Ф. Г. благодарно улыбнулась. Мы закурили. После глубокой затяжки она сказала:

– Вот в чем я вам хотела признаться: иногда я боюсь этой пьесы, боюсь этой роли – вдруг, я не смогу ее сыграть. Вы знаете (она перешла на полушепот), после «Дядюшкиного сна» Завадский сказал мне: «Фаина, вы плохо играете, вам

надо отказаться от Марии Александровны».

– Он не прав, – сказал я.

– Нет, здесь дело в другом – его не заботила моя работа. Он в тот момент был занят другим. И вот я подумала: может быть, хватит, может быть, пора уйти из театра? Ну зачем мне такая жизнь: я сейчас ничего не играю, ни одной роли. Единственная связь с театром – это зарплата, которую мне привозят на дом. А что впереди? Снова спекулянтка из «Шторма». И ничего больше. На «Сэвидж» надежд никаких. Так для чего же мне театр? Я там ничего не делаю. И смогу ли еще сделать, не знаю…

Это не было случайным признанием. Я видел, в каком состоянии находится Раневская. История с «Дядюшкиным сном» травмировала ее. Мне нравилась Раневская в роли Марии Александровны. И если спектакль в целом не показался удачным (он был сумбурным, порой действие его почти останавливалось), если спектакль никак нельзя было назвать «шагом вперед», то участие в нем Раневской делало его событием.

К сожалению, «Дядюшкин сон» вскоре лишился этого козыря. Театр собирался на гастроли в Париж. Пьеса Достоевского отвечала рубрике «русская классика», и ее включили в гастрольную афишу.

Завадский вызвал Ф. Г.

– Фаина, хотел с вами посоветоваться. Как быть с Верой Петровной? – спросил он. – Марецкая – украшение нашего

театра, а ей не с чем ехать во Францию!

– Ну, пусть она играет Марию Александровну, я откажусь от роли, – сказала Ф. Г.

– А как же Париж? – спросил Завадский.

– Я была в Париже. И не раз. Боюсь, что теперь он уже не для меня.

Больше в «Дядюшкином сне» Раневская не появлялась.

– У меня не получилась роль, – сказала она Юрию Александровичу, чтобы успокоить его. – Не волнуйтесь, больше я на нее не претендую.

Огромная работа оказалась перечеркнутой.

Потом, много времени спустя, я понял, в какое трудное время я застал Ф. Г. Она оказалась у разбитого корыта: ничего в театре, ни одного предложения в кино. Никаких перспектив.

В спектакле «Странная миссис Сэвидж»

Может быть, поэтому она ухватилась за предложение записаться на радио. Не знаю, удавалось ли во время наших встреч хоть немного развеять ее невеселое настроение. Она читала мне Зощенко – один, другой, пятый раз. Предложила записать рассказы Чехова. Потом неожиданно – стихи Саши Черного:

– Это же блестящая сатира! И поэзия настоящая, у нас мало известная – слушатели вам будут благодарны!

И хоть все это заменить театра не могло, Ф. Г. не раз повторяла как заклинание:

– Мне нужно работать. Нужно работать. Могу твердить это подобно чеховской Ирине. Справедливость этих слов понимаешь, только когда попадешь в мое положение. Почти безысходное. Признаюсь вам, хоть и подозрительно отношусь к откровениям. Самый тяжкий для меня теперь день – тот, в который мне домой привозят зарплату. Я уже не помню, когда была в последний раз в театре, получаю деньги, ничего там не делая. И это никак не радует. Напротив. Скоро я забуду запах кулис и свежевымытого пола сцены…

Ф. Г. все свои силы направила на «пробивание» новой пьесы. Той самой «Странной миссис Сэвидж».

Одна из приятельниц Ф. Г. – Елизавета Моисеевна Абдулова, вдова замечательного артиста, посоветовала ей оставить все хлопоты:

– Ну зачем вам это нужно? Новая роль, новые волнения?! Поберегите себя! Разве вы не заслужили отдыха? Вам как народной и лауреату дадут, конечно, персональную пенсию, и заживете себе припеваючи, без ненужных волнений.

А ей казалось: без новых волнений не будет ничего вообще, кончится все.

Когда «Сэвидж» уже шла на сцене, мы вспоминали это трудное время.

– Да, я сумела выкарабкаться, – сказала Ф. Г. – Лиза ничего не поняла, кругозор обывателя ей не позволил. Она – неглупый человек, но этого мало. Иной раз встречаешь людей, к сожалению, нечасто, которые владеют ценным даром природы – умом сердца. Ум сердца позволяет все понять и почувствовать.

САМОЗВАНКА

Я застал Ф. Г. с альбомом в руках, куда она переписала роль миссис Сэвидж.

– Вы работаете?

– Постепенно привыкаю к роли. Я же никогда не учу текста. Читаю, думаю, жду, когда чужие слова станут моими.

Зазвонил телефон.

– Алло! Да, да. – Ф. Г. прикрыла микрофон и прошептала мне: – Возьмите скорее трубку!

Я подошел к параллельному аппарату.

– У меня уже есть перевод этой пьесы, и вы, товарищ Голышева, хорошо это знаете, – сказала Ф. Г.

– У вас не тот перевод. Я сделала лучше, – утверждал скрипучий голос.

– Но театр уже заключил договор с другой переводчицей, с Тамарой Блантер, и мы начинаем работу над пьесой.

– Это не имеет значения. Договор всегда можно расторгнуть. Я предлагаю вам товар самого высокого качества. Можете сами в этом убедиться: пошлите перевод Блантер и мой в экспертную комиссию. Вы увидите, какова будет оценка!

– Послушайте, уважаемая, – Ф. Г. начинала закипать. – Мне не нужна экспертиза. Неужели вы не понимаете, что речь о другом? Вы от меня случайно узнали о существовании этой пьесы, узнали, что мне разрешили ее играть, и сделали свой перевод. Но ведь разыскала пьесу Тамара Блантер!

– Это не имеет никакого значения! Какая разница, откуда я узнала. Вам нужно думать о качестве перевода, о том, что вам придется говорить со сцены.

– Извините, но этот разговор мне неприятен, я не могу его больше продолжать! Всего доброго.

Ф. Г. бросила трубку.

– Какая наглость! Старая карга! Самозванка! – возмуща-

лась она. – Ну что мне делать, а? Но и я хороша! Кто меня тянул за язык рассказать ей об этой пьесе?! А она, как гангстер, – скорее, скорее, – по-моему, перевела за неделю! еще бы: если пьеса пойдет с успехом, то возрастут доходы. Сколько там процентов платят им с каждого спектакля?

– Я не помню. Кажется, два или три.

– А, это неважно! Нет, вы объясните мне, откуда такое вероломство? Ведь переводы этой дамы запрудили все сцены! – Ф. Г. заходила по комнате. И внезапно остановилась: – А вы знаете, что она может сделать? Она отнесет «Сэвидж» в другой театр и отдаст ее другой актрисе.

– А разрешение? – сказал я.

– Наивный вы человек. Если пьеса попадет к Тарасовой или Степановой – обе, конечно, не в пример мне, дружат с Фурцевой, – неужели, вы думаете, они не добьются своего! Какая я дура! Что я наделала! – Ф. Г. схватилась за голову. – Нет, вы ничего не понимаете! Как только у нас в театре узнают, что «Сэвидж» ставят во МХАТе, немедленно отменят все! И репетиции никогда не начнутся. Думаете, кто-нибудь, кроме меня, обрадовался разрешению? Нужен малейший повод, чтобы театр отказался от постановки! Завадскому на пьесу наплевать, раз не он ее ставит. Верка, когда «Сэвидж» читали на труппе, заявила, что не понимает, зачем нам эта пьеса, если очевидно, что успеха она иметь не будет! Я-то сразу поняла, что Вера Петровна учуяла, какая Сэвидж выигрышная роль! Слава Богу, не первый год в театре, на-

училась читать и тексты и подтексты, знаем, как оценивается роль, если она достается сопернице.

Я давно не видел Ф. Г. такой. Она ходила вдоль комнаты, от дверей – к окну, и, мне показалось, возбуждалась от собственных слов.

– Но погодите, – попытался я успокоить Ф. Г., – Голышева никуда пьесу не носила, никто Фурцеву ни о чем не просил и «Моссовет» постановку «Сэвидж» не отменял. Волноваться еще рано!

– Волноваться надо сейчас, – сказала Ф. Г., остановившись. Она села и продолжала уже спокойно и рассудительно, как бы проигрывал возможную ситуацию: – Предположим, дамы добьются от министра разрешения. Что делаю я? Прийти к ней с поллитрой не могу – вы знаете, что со мной делает алкоголь, я тут же наговорю ей такого, что меня ни один театр не примет! Разжалобить ее, сыграть несчастную старуху, у которой от слез мокрые десять платков? Но она подумает: «И зачем ей, такой развалине, лезть на сцену? На покой давно пора!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.